ЛИСТ ЧТЕНИЯ

Составил Пьер Колонж

«ВЕЛИКИЙ ГРАБЁЖ»

Том II – Египетская кампания

Роман Роберта Казановаса

1. Паспорт книги

Название : Великий грабёж — исторический роман в четырёх томах. Том II «1798-1801 – Египетская кампания»

Автор : Роберт Казановас

Жанр : Исторический роман с документальной и критической направленностью, основанный на подлинных изысканиях

Издание : Окончательное, переработанное и исправленное издание, обязательный экземпляр сдан в апреле 2026 года, электронная и бумажная версии

ISBN : 978-2-488999-72-4

Структура : Предупреждение, затем четыре крупные главы, разделённые на двадцать восемь пронумерованных разделов

Эпоха : От мая 1798 года (отплытие из Тулона) до осени 1801 года (возвращение во Францию), с кодой, которая доходит до публикации «Описания Египта» (1809-1829)

Основные места действия : Тулон, Мальта, Александрия, Каир, Гиза, Саккара, Дендера, Фивы, Долина царей, Асуан, Филе, Розетта, Париж

Серия : Продолжает Том I («Рождение системы»). Входит в корпус произведений автора, посвящённых хищению произведений искусства (Украденная комната, Завещание было подделкой, Грабёж)

Обложка : Репродукция Розеттского камня, помещённая в оптический театр, в музее Шампольона в Вифе (Изер, Франция), фотография от 17 июля 2022 года (Жюльен Пейтар)

Сайт проекта : www.international-restitutions.org

2. Общая характеристика

Том II романа «Великий грабёж» прослеживает Египетскую экспедицию глазами учёных, рисовальщиков и инженеров, отплывших вместе с Бонапартом. Роман не рассказывает о военной кампании ради неё самой — сражения при Абукире и Гелиополе занимают лишь несколько страниц, почти в манере хроники, — он рассказывает о том, что происходит в их тени. Корпус «комиссаров» и учёных описывает, измеряет, копирует, покупает, изымает и в конце концов упаковывает Древний Египет, чтобы переправить его в Париж. Путеводная нить — вопрос, который роман отказывается разрешить одним словом. Где кончается учёное собирательство и где начинается грабёж?

Предупреждение ставит книгу под знак вымысла, опирающегося на исследование (см. часть 6). Роман движется от Александрии к Филе, затем от Розеттского камня к капитуляции 1801 года, когда англичане в свой черёд требуют то, что, как полагали французы, им удалось спасти. Денон, Жомар, Фурье, Жоффруа Сент-Илер и несколько вымышленных или малодокументированных фигур, таких как переводчик Хасан или вакиль гизского канала Абдалла ибн Юсуф, по очереди несут этот вопрос.

3. Краткое содержание по главам

Глава I — Восток под ружьём

От Тулона до Мальты. 19 мая 1798 года эскадра покидает Тулон. На борту находятся Бертолле, Монж, Жомар, Фурье и Денон. Бертолле видит в «научной экспедиции» «операцию по приобретению». Во время плавания на борту «Ориента» Бонапарт утверждает, что у всего, что будет взято в Египте, «давно нет живого владельца». Бертолле тихо отвечает ему, что это не значит, будто владельца нет. Мальта капитулирует 12 июня. Денон не позволяет снять Караваджо, но станковые картины вывозятся. С самого начала роман задаёт своё правило. Берут то, что можно увезти, а оправдание подыскивают потом.

От Александрии до Нила. 1 июля Александрия разочаровывает, ведь это всего лишь городок лачуг. Жомар измеряет колонну Помпея, а Денон рисует её с трёх ракурсов. Бонапарт приказывает перевести на арабский свою прокламацию «Народы Египта». С 6 июля армия идёт через пустыню при сорока градусах в тени, пока не выходит к Нилу. Позднее на рынке в Саккаре крестьяне продают солдатам статуэтки и амулеты. Денон покупает ушебти. Переводчик Хасан переводит слова продавца, для которого это «гробница его предка». Он переводит слова, но не интонацию.

Битва у пирамид. «Солдаты, с высоты этих пирамид на вас смотрят сорок веков», — обращается Бонапарт к своим солдатам 21 июля. Учёных помещают посреди пехотных каре. Денон рисует вслепую изнутри каре, а затем пирамиды с мёртвыми на переднем плане. Мурад-бей отступает, и Каир взят 24 июля. Наутро Жомар входит в Великую пирамиду вместе с Монжем и Денoном. Они встречают молодого солдата, который уносит скарабея. Жомар догадывается, что этот жест того же рода, что и их собственные приобретения. Отличается лишь степень.

Битва при Абукире. 1 августа Нельсон уничтожает почти весь французский флот в бухте Абукир. Армия отныне — пленница Египта. Вечером 14 августа, узнав о катастрофе, Жомар осматривает коллекции, сложенные в северных пристройках дворца Хасан-Кашифа. Там он находит двадцать три ящика без этикеток, содержимое которых никому не известно. Он записывает их в личный дневник и никому о них не говорит. Возвращение стало неопределённым. Жоффруа вскоре осознаёт, что вернётся лишь то, что может путешествовать.

Институт Египта. 22 августа Бонапарт основывает Институт Египта. Президентом его становится Монж. Он открывает первое заседание такими словами. «Мы здесь, чтобы понимать, друзья мои. Не завоёвывать — этим и без нас прекрасно занимаются другие. Прошу вас никогда этого не забывать.» Жомар измеряет остатки Мемфиса и храм Птаха. Старик рисует в пыли, как волокли гигантские статуи. Жоффруа Сент-Илер вскрывает рыб Нила. В начале ноября Бертолле подводит итог трём месяцам работы.

Восстание в Каире. 21 октября Каир восстаёт. Артиллерия обстреливает мятежные кварталы, и репрессии длятся три дня. Учёные остаются забаррикадированными в Институте. 24 октября Денон выходит рисовать на разорённые улицы. Перед распотрошённой лавкой он думает о комиссарах, заполняющих свои списки. «Тот же жест, только без критериев и без разбора. Здесь говорили грабить, там — собирать.» Вместе с Хасаном Денон видит, как двое солдат опустошают лавку ткачей под немым взглядом её хозяйки. Монж говорит Бонапарту, что одной силы для управления недостаточно. «Оккупации хватит. Для того, что я хочу сделать», — отвечает Бонапарт.

Сфинкс и некрополи. В ноябре Денон возглавляет экспедицию к Сфинксу, затем в Саккару, где Жомар измеряет ступенчатую пирамиду. Бертолле изучает смолы мумий и натрон озёр Натрун. Перед мумифицированными ибисами, неотличимыми от нынешних, Жоффруа напоминает, что Кювье видит в этом доказательство неизменности видов. Ламарк, напротив, считает три тысячи лет слишком малым сроком, чтобы увидеть перемену. Бертолле заключает, что никто из них двоих не сможет это доказать. «Мы берём то, что считаем знанием», — пишет Денон по поводу гранитного осколка.

Научные споры. На заседании 16 ноября Монж защищает меру, а Фурье — смысл. Бонапарт решает. Нужно и то и другое. Каждый представляет свои труды. Вантюр де Паради, переводчик экспедиции, излагает разницу между разговорным арабским и арабским языком Корана. «Сначала передают, наизусть. Смысл приходит потом», — делает вывод Фурье. «Денон откроет дорогу», — объявляет Бонапарт, говоря о Верхнем Египте. В коридоре Фурье спрашивает Денона, собирается ли тот увозить предметы. Денон отвечает, что некоторые вещи должны путешествовать, чтобы их увидели. Вечером Бертолле предупреждает Бонапарта, что отъезд будет поспешным и что уедет лишь то, что уже будет лежать в ящиках.

Глава II — Подъём по Нилу

Дендера. 16 декабря 1798 года дивизия Дезе покидает Бени-Суэф и движется на юг. Бонапарт вручил Денону список на четырёх страницах и установил своё правило. «Франция не грабит. Она отбирает, описывает и сохраняет. Грабят солдаты.» Денон прибывает в Дендеру 25 января 1799 года и вернётся туда в мае, чтобы при свече зарисовать зодиак. Жомар считает извлечение зодиака возможным, но очень долгим («может быть, через тридцать лет»). Он обнаруживает список, который ведёт сержант-майор Обер, более восьмидесяти строк только по головному батальону, и оценивает примерно в двести число предметов, вынесенных из одного этого храма, и в две тысячи пятьсот, «нижняя граница», число предметов за всю кампанию. Вассёр, математик Комиссии, заполняющий свои бланки во дворе храма, находит эту цифру «верной или близкой к действительности». «Это не довод», — отвечает Жомар.

Фивы. 27 января экспедиция располагается лагерем напротив Фив. В Карнаке Жомар понимает, что ось храма ориентирована на восход солнца в день зимнего солнцестояния. Фурье подтверждает, что его расчёт верен. В Луксоре Дезе спрашивает, нельзя ли взять обелиски. Каждый весит двести тридцать тонн, и эту мысль откладывают на потом. Денон оставляет себе лицо Осириса из позолоченной бронзы, не заявляя о нём. Старик, сын и внук храмовых стражей, говорит ему, что каждый раз армии «берут камни». Ночью Жомар обнаруживает махинации Хасана, который удерживает комиссионные со всех продаж.

Долина царей. 29 января Жомар производит триангуляцию Долины царей. Жолуа замечает, что, требуя от проводников показывать гробницы и являясь с армией и записными книжками, учёные ускоряют грабёж. В одной гробнице Денон берёт папирус из Книги мёртвых, затем второй папирус из рук солдата. «Взял папирус раньше солдата», — записывает он. Жомар пишет в дневнике, что различие между коллекционированием и грабежом заключается в цели, а не в действии. Перед колоссами Мемнона на следующий день он замечает, что смысл сохраняет лишь то, что нельзя унести.

Асуан. Между Фивами и Ком-Омбо Жолуа видит, как солдат подтягивает на своём муле мешок, из которого торчит барельеф. 1 февраля в Ком-Омбо хирург Брюян узнаёт на стенах храма хирургические инструменты. Утром отъезда двое унтер-офицеров взламывают кувалдой плиту святилища. Дезе вызывает капитана Лашеза, напоминает, что без письменного приказа ни к чему не прикасаются, затем признаёт, что этих правил недостаточно. Плита исчезает, когда колонна трогается в путь. Жолуа же копирует в соседней часовне скорописную надпись. 2 февраля колонна достигает Асуана.

Филе. В течение февраля Денон в сопровождении Хасана добирается до Филе на фелюге. Денон мог бы приказать разобрать несколько блоков киоска Траяна. Он отказывается от этого не из щепетильности, а потому, что не желает разрушать то, что его трогает. Выехав из Асуана 25 февраля, Денон добирается до Гермонтиса за девять дней. Солдаты дерутся за фигурку, а феллахи снимают свой заслон лишь за тридцать пять пиастров. В Гермонтисе Денон покупает за пять пиастров свежеотколотый от стены фрагмент. Он возвращается в Каир, но Бонапарт, вернувшийся из Сирии в середине июня, уже покинул город и уехал на побережье.

Розеттский камень. 15 июля 1799 года лейтенант Бушар обнаруживает близ Розетты стелу из чёрного гранодиорита, покрытую тремя видами письма. Марсель и Рэж читают её. Текст на греческом — это

декрет в честь Птолемея V. Марсель делает множество оттисков и часть их отправляет в Европу. 9 августа он сопоставляет греческие упоминания «Птолемея» с картушами и предполагает, что картуш — это имя собственное. «Вы нашли ключ к древнему Египту с помощью текста о налогах. Мне это нравится», — подытоживает Клебер.

Переговоры, победа и смерть Клебера. 18 августа Бонапарт тайно покидает Египет вместе с Денoном, Монжем и Бертолле. Командование принимает Клебер. Жомар насчитывает девяносто шесть ящиков, то есть семьдесят три учтённых и двадцать три по-прежнему без этикеток. Конвенция в Эль-Арише, подписанная 24 января 1800 года, предусматривает эвакуацию вместе с коллекциями. Но в марте 1800 года адмирал Кит отказывается её ратифицировать, и Жомар пересчитывает ящики. Тридцати трёх не хватает, остаётся шестьдесят три. Клебер разбивает османов при Гелиополе 20 марта. Он убит 14 июня 1800 года. Его преемником становится Меню.

Глава III — Время учёных

Последние кампании. Меню принимает командование и ничего не меняет в работе Института. На июньском заседании Жомар отстаивает документ против памятника. Он утверждает, что нужно «заменить памятник документом, который легче путешествует». 25 июня 1800 года экспедиция отправляется в Танис и Бубастис. Жоффруа берёт там шесть мумий кошек. Жолуа кладёт в свою сумку маленький бронзовый саркофаг кошки. Осенью он за три дня копирует псалтирь, который коптские монахи отказывались продавать.

Дельта и город. Весть о смерти Дезе при Маренго 14 июня 1800 года доходит до Каира в начале октября. Жолуа оставляет у себя перочинный нож, который Дезе одолжил ему в декабре 1798 года и который он так и не вернул. В Дельте, в Саисе и Буто, уносить нечего, потому что блоки вмурованы в стены домов феллахов. Меню хочет направить работы на исламский Египет, и находят компромисс. Ноябрьским утром Жолуа видит, как солдат за пятнадцать секунд забирает бронзовую Исиду из ниши коптского дома. Он может лишь зарисовать пустую нишу.

Земледелие и орошение. Зимой 1800-1801 годов Конте представляет Институту египетские методы орошения. Жолуа встречается с Абдаллой ибн Юсуфом, шестнадцать лет ведающим гизским каналом, и привозит семьдесят два мешочка ила. «Их земли, их статуи… Всё одно. Мы берём то, что нас интересует, и называем это наукой», — замечает Конте. Жолуа отвечает, что ил можно взять, не обедняя поле, но Нил статуй не возвращает. Абдалла говорит, что письмо не заменяет тысячелетней практики. Он показывает ему четыре надписанных блока, найденных при чистке канала. Жолуа зарисовывает их и забирает самый маленький.

Время сжимается. 8 марта 1801 года шестнадцать тысяч британцев высаживаются в Абукире. Комиссия решает продублировать всё, чтобы спасти свои труды. Марсель ведёт реестр своих приобретений. Жолуа заказывает кальки. Жомар за девять дней переписывает свои самые свежие топографические измерения, а Жоффруа зарисовывает свои биологические виды. На апрельских нравственных прениях Жомар различает три природы предметов, в том числе те, что извлечены из гробниц и храмов. «Они принадлежали Египту. Мы их взяли.» «Мы их сохраним. Мы опубликуем», — заключает Жолуа, и Фурье признаёт, что без публикации ничто из сделанного ими не имеет оправдания. 20 июня Жолуа насчитывает 2 087 рисунков.

Поражение в Каире. 27 июня 1801 года Бельяр ведёт переговоры о капитуляции Каира. Конвенция позволяет армии выйти «с оружием и багажом», ни слова не говоря о коллекциях. Статья шестнадцатая, которая и станет для них настоящей угрозой, будет подписана лишь в сентябре в Александрии. Фурье находит слово «багаж» расплывчатым и ищет, чего оно не охватывает. 30 июня торговец Сулейман аль-Каббани продаёт Марселю двадцать два ушебти, пять скарабеев и три золотых амулета, которые тот вносит в свою личную опись. Жоффруа грозится сжечь свои коллекции, если их конфискуют. «Они

возьмут оригиналы. Мы — копии. А копии… они-то и есть настоящая добыча», — подытоживает Фурье. Отъезд происходит в середине июля, через семнадцать дней после конвенции.

Спуск к Розетте. Тринадцать тысяч солдат, в том числе пять тысяч больных или выздоравливающих, двести гражданских лиц и учёные покидают Каир под командованием генерала Дама. В первый день османский патруль требует ящики от имени Египта, и Дама его отгоняет. Лионский дезертир, закованный в кандалы, признаётся Жоффруа, что не хочет видеть, чем обернётся дело с англичанами. На шестой день на колонну обрушивается песчаная буря, а на седьмой навстречу попадаются коптские беженцы. На одиннадцатый день двое британских офицеров хотят осмотреть багаж, и Дама отказывает. Колонна достигает Розетты в конце июля, после двенадцати дней пути, с шестьюдесятью тремя ящиками. Затем учёные отправляются в Александрию морем.

Глава IV — Крушение и возвращение

Великие древности. 3 сентября 1801 года Гамильтон и Кларк являются, чтобы вступить во владение коллекциями. Кларк пересчитывает шестьдесят три ящика. 4 сентября великие древности вносятся в реестр. Это саркофаг Нектанеба II, статуя верховного жреца Амона, колоссальный кулак и стелы. Розеттский камень, который не могут найти, записывают временно, а затем в тот же вечер обнаруживают среди багажа Меню. Фурье не оспаривает это право. Он лишь просит, чтобы история запомнила, что именно Комиссия открыла эти предметы. Жолуа понимает, что Великобритания делает здесь то же, что Франция сделала в Италии. Цепочка длинная.

Спасённые коллекции. Научные инструменты признаются личной собственностью. 9 сентября, когда Кларк подступает к коллекциям Жоффруа, тот грозится поджечь свои ящики. Кларк отступает. Гамильтон соглашается, чтобы Комиссия опубликовала свои рисунки, при условии отправки одного экземпляра в Британский музей. Малые древности делятся пополам. Французы оставляют себе несколько мумий животных и одну человеческую мумию, британцы — лучшие царские или знатные мумии. Марсель сохраняет свои оттиски. Жолуа сохраняет свои рисунки, а монеты остаются за учёными, за исключением примерно пятнадцати.

Этика грабежей. 18 сентября Гамильтон приходит ужинать один и объявляет, что саркофаг Нектанеба отбывает на следующий день. Жолуа отвечает, что через сто лет египтянину придётся ехать в Лондон, чтобы его увидеть. Жоффруа напоминает, что не Египет их приглашал. Фурье спрашивает, что ответил бы Британский музей, если бы Египет однажды потребовал свои богатства. «Я не могу связывать следующий век», — отвечает Гамильтон.
22 сентября торговец Махмуд аль-Тавиль требует вернуть восемь статуэток, которые у него якобы украли. Гамильтон отказывается их возвращать, и торговец просит лишь записать его имя. Протокол подписывается в тот же вечер.

Прощания. Последние дни сентября посвящены упаковке. Жолуа заканчивает указатель своих 2 087 рисунков, и ящики опечатывают 27 сентября. 31 октября учёные получают приказ садиться на корабль, и Гамильтон вручает Жолуа пропуска со словами. «А я желаю вам хорошо распорядиться тем, что вы увозите.» Они больше никогда не увидятся. 1 ноября Жолуа прощается с одним александрийским шейхом, затем начинается посадка. Свои медные тубусы он держит в каюте, над койкой.

Переход. Первые дни море неспокойно. Жомар отмечает, что основания великих пирамид немного длиннее с востока на запад, чем с севера на юг. Он предполагает, что строители учитывали размеры земли. Эта гипотеза и воодушевляет, и пугает его, так как предполагает утраченное знание. Фурье рвёт одиннадцать начал предисловия, прежде чем начать с Нила. Корабль делает остановку в Валлетте 10 ноября, где развевается британский флаг. Франция показывается 17 ноября.

Возвращение во Францию. 19 ноября 1801 года корабль бросает якорь на рейде Тулона, через три года и шесть месяцев после отплытия. С ящиками Комиссии обращаются как с грузом муки. Фурье пишет официальный отчёт и упоминает о потерях лишь в примечании в приложении. В Париже 8 декабря нет ни парада, ни приёма. 15 декабря Бонапарт принимает Фурье в Тюильри и делает из «Описания» государственный проект. В феврале 1802 года назначается редакционная комиссия, Конте становится её генеральным комиссаром, а Фурье оставляет за собой историческое предисловие. В ноябре 1802 года Денон назначается генеральным директором Центрального музея искусств. Около тридцати членов Комиссии погибли в Египте.

Работа начинается. Через год после возвращения Жомар переписывает свои записи в комнате на улице Круа-Фобен. «Описание Египта» обещает быть колоссальным, с 894 таблицами, примерно четырьмястами граверами и двадцатью тремя томами, выходившими с 1809 по 1829 год. Рассказчик подводит итог одной фразой. «Статуи в Лондоне, знание в Париже.» Фурье вычёркивает лирические фразы из заметок Жолуа, который их возвращает. Так два тона продолжают сосуществовать. 31 декабря 1802 года Жолуа смотрит на свои двадцать три медных тубуса, выходит посмотреть на Орион на улице, затем возвращается к своей заметке о Карнаке. Том II завершается угрозой грядущих походов. Для Денона, в Лувре, «работа только начиналась…»

4. Главные персонажи

Доминик-Виван Денон *(рисовальщик, будущий директор музеев)*

Центральный взгляд первой половины романа. Он рисует пирамиды с мёртвыми на переднем плане, спасает Караваджо на Мальте и берёт папирус в Долине царей. Он покидает Египет в августе 1799 года вместе с Бонапартом.

Наполеон Бонапарт *(главнокомандующий)*

Фигура одновременно далёкая и решающая. Он вручает Денону список на четырёх страницах и формулирует «три уровня» легитимности (см. часть 5). Он тайно покидает Египет 18 августа 1799 года.

Гаспар Монж *(математик)*

Президент Института Египта. Он защищает меру против смысла, которого требует Фурье.

Клод-Луи Бертолле *(химик)*

Называет экспедицию «операцией по приобретению». Изучает бальзамирующие смолы, натрон и химические равновесия.

Жан-Батист Фурье *(математик)*

Голос смысла и синтеза. Организует систематическое копирование трудов и пишет предисловие к «Описанию». Умирает в 1830 году.

Эдм-Франсуа Жомар *(инженер-географ)*

Наблюдает, измеряет, вычисляет. Отстаивает гипотезу картушей и геодезию памятников.

Проспер Жолуа *(инженер)*

Инженер и рисовальщик Комиссии. Копирует, снимает кальки и в 1801 году защищает свои записные книжки и рисунки от британцев.

Этьен Жоффруа Сент-Илер *(натуралист)*

Защитник зоологических коллекций. Его угроза поджечь свои образцы перед лицом британцев — один из сильнейших моментов романа.

Жан-Жозеф Марсель *(востоковед)*

Автор оттисков Розеттского камня и реестра из 162 записей. Сохраняет след, когда предметы конфискуют.

Луи Дезе *(генерал)*

Завоеватель Верхнего Египта, ведёт колонну на юг. Погибает при Маренго.

Жан-Батист Клебер *(генерал)*

Преемник Бонапарта. Убит в Каире 14 июня 1800 года Сулейманом аль-Халаби.

Вассёр (математик Комиссии)

В Дендере он заполняет свои бланки официального приобретения под открытым небом, что отличает сбор от солдатского грабежа. Жомар остаётся скептичен.

Никола-Жак Конте *(инженер и изобретатель)*

Представляет Институту египетскую гидравлику. Умирает в 1805 году.

Хасан *(переводчик)*

Каирский переводчик. Он переводит, удерживает комиссионные с продаж и видит, не имея возможности действовать. Многие египетские реплики романа проходят через него.

Абдалла ибн Юсуф *(вакиль гизского канала)*

Хранитель знаний об орошении, он напоминает, что письмо не заменяет опыта.

Уильям Ричард Гамильтон и Эдвард Дэниел Кларк *(Гамильтон, британский комиссар, и Кларк, антиквар)*

В 1801 году они требуют великие древности, ссылаясь на статью 16 капитуляционной конвенции.

Меню *(генерал)*

Командующий после Клебера, принявший ислам, он удерживает Александрию вплоть до капитуляции 1801 года.

Обер, Махмуд аль-Тавиль, Сулейман аль-Каббани, лионский дезертир *(вымышленные или малодокументированные фигуры)*

Персонажи, историческая укоренённость которых в тексте не установлена. Они служат голосом тому, о чём источники молчат.

5. Основные темы

Сбор и грабёж — различие имени, а не жеста

Весь том II держится на мысли, которую Денон формулирует во время каирского восстания. Жест один и тот же, меняется лишь имя. Различение, на котором настаивает Бонапарт (солдаты грабят, Франция отбирает), подхватывается, обсуждается, испытывается фактами.

Три уровня легитимности

Список Бонапарта на четырёх страницах, разрешения учёных, затем бессилие перед солдатами образуют лестницу последовательных оправданий. То, что учёный считает спасением, генерал приказывает, а солдат уносит.

Вес решает, что уедет

Роман сводит выбор в вопросах наследия к вопросам переноски. Перемещается то, что можно переместить. Вес, а не ценность, определяет, что покидает Египет.

Предмет и информация

Перед лицом утраты учёные множат копии, рисунки, кальки и оттиски. Вторая половина тома II романа переходит от изъятия предметов к захвату знания.

Местное знание и учёное знание

Французский инженер узнаёт от вакиля, что письмо не заменяет действия. Роман показывает учёных зависящими от знания, которое они, по их словам, лишь собирают.

Наука на службе оккупации

Институт, мастерские, карты. Наука — один из инструментов французского присутствия. Книга её не обличает, но показывает, что она служит.

Безгласные египтяне

Египетская речь, почти всегда опосредованная переводчиком, в романе редка. Это молчание тоже становится темой, ведь владельцы наследия не заседают в комиссиях.

Ограбившие, в свой черёд ограбленные

Последняя глава показывает британцев, в свой черёд берущих то, что взяли французы. Логика набега не останавливается на одной нации.

6. Документальная и вымышленная часть

Событийная канва опирается на засвидетельствованные факты, среди которых битва при Абукире, основание Института Египта, обнаружение Розеттского камня, убийство Клебера, победа при Гелиополе, статья 16 Александрийской капитуляционной конвенции, столкновение с Гамильтоном и Кларком, угроза Жоффруа Сент-Илера, назначение Денона директором музеев и публикация «Описания Египта». Персонажи, сцены и диалоги, напротив, могли быть придуманы, как уточняет Предупреждение.

Одна зона остаётся неясной. Двадцать три ящика без этикеток, замеченные Жомаром после Абукира, так и не проясняются и остаются загадкой. Историческая укоренённость вымышленных или малодокументированных персонажей указана в части 4.

7. Яркие цитаты

«То, что Бонапарт называл научной экспедицией, Бертолле в своих личных заметках называл — точнее — операцией по приобретению.»

«Тот же жест, только без критериев и без разбора. Здесь говорили грабить, там — собирать.»

«Различие между коллекционированием и грабежом есть различие цели, а не действия. Мы собираем для Парижа. Они грабят для себя. Долина царей разницы не делает.»

«Не ценность. Не историческая значимость. Вес.»

«Они возьмут оригиналы. Мы — копии. А копии… они-то и есть настоящая добыча.»

«Отвечать буду не я. Кто-то другой, при других обстоятельствах. Я не могу связывать следующий век.»

«Статуи в Лондоне, знание в Париже.»

8. Критический анализ

Сильные стороны

- Ясный тезис, выдержанный от начала до конца. Различие между сбором и грабежом проверяется фактами.

- Плотный исторический материал, разыгранный в конкретных эпизодах (Долина царей, Розетта, угроза Жоффруа).
- Сильные сцены, среди которых Мальта, гизская ночь, ужин Гамильтона и угроза с огнивом.
- Сдержанный тон. Роман скорее излагает, чем осуждает, и оставляет читателю самому судить.

Ограничения и моменты, требующие внимания

- Тезис провозглашается многими персонажами, что делает его очень внятным, но создаёт повторы.
- Сирийская кампания сведена к нескольким разрозненным фразам. Выбор понятен, но эллипсис резок.
- Египтяне почти всегда показаны лишь через переводчика. Приём значим, но удерживает их на второстепенной позиции.
- Глава IV перегружена объясняющими диалогами, которые скорее провозглашают нравственный итог, чем дают его пережить.
- Центр тяжести переходит от Денона к Жомару, Жолуа и Фурье после августа 1799 года (Денон вновь появляется лишь ближе к концу, с назначением во главе музеев), что нарушает равновесие второй половины.

9. Заключение

Том II романа «Великий грабёж» — это роман нравственной описи. Он следует за Египтом учёных, чтобы показать, что сбор и грабёж различаются скорее назначением, чем жестом. Построенный вокруг очень заметного тезиса и смены темпа во второй половине, он удерживает его конкретными сценами и сдержанным письмом. Его последний урок — и самый тревожный. То, что взяла Франция, британцы в свой черёд берут у неё, а египтяне просят лишь, чтобы записали их имя.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Составил Пьер Колонж

«ВЕЛИКИЙ ГРАБЁЖ»

Том II – Египетская кампания

Роман Роберта Казановаса

Методологическое введение

Настоящее исследование посвящено тому II романа «Великий грабёж» («1798-1801 – Египетская кампания»). Оно ограничивается этим томом, и замечания о серии справедливы только для него. В нём рассматриваются язык, повествовательное построение, фигуры речи, регистры и тон романа, который ставит свою форму на службу нравственному вопросу. Лексический и синтаксический анализ опирается на чтение всего текста, дополненное несколькими подсчётами, немногочисленные цифры которых приводятся лишь как порядки величин. Все цитаты сверены с текстом и отнесены к своим главам.

Роман избирает письмо расследования, а не излияния, составленное из коротких фраз, цифр, перечней и сентенций. Читатель выступает в нём свидетелем, а не зрителем, чем объясняется место, отведённое описи и документу.

1. Роман со многими фокусами — эстафета взглядов

У повествования нет единственного героя. Взгляд Денона доминирует в первой половине. После его отъезда в августе 1799 года эстафету принимают Жомар, Жолуа, Марсель и Фурье, а Денон вновь появляется лишь ближе к концу. Эта смена фокуса позволяет роману перейти от зрения к измерению, а затем от измерения к копированию.

Рассказчик, находясь вне сознания персонажа, дополняет его взгляд тем, чего тот не знает (конструкция, служащая для этого, изучается в разделе 5). Эффект двойной. Он придаёт сценам иронию и напоминает, что перспектива учёных частична.

> *«Она погибла бы на корабле.»*

Глава I, раздел 1 — Денон перед Караваджо, на Мальте.

2. Опись как форма — цифры, измерения, перечни

Роман делает числа литературным материалом. Число ящиков падает с 96 до 63, и потеря читается в убывании. Оценка Жомара в Дендере (около 200 предметов только из этого храма, затем 2 500 за кампанию, «нижняя граница») и реестры Марселя (162 записи) создают напряжение одной лишь бухгалтерией. Саспенс здесь не сюжетный, а итоговый.

Такое письмо даёт читателю ощущение реального веса вещей согласно закону, который роман провозглашает сам. Не ценность решает, что уедет, а вес.

3. Два режима языка — бланк и чувственность

Текст чередует административный режим (перечни, бланки, протоколы, статьи) и чувственный режим (свет, камень, руки, ночь). Первый сух и авторитетен. Второй возвращает читателю то, что он потерял в бланке. Контраст служит приёмом, поскольку показывает, что процедура отсекает.

Сцены копирования, измерения и рисования — места, где оба режима соприкасаются. Именно там язык достигает наибольшей отдачи.

4. Лексический анализ — слова, регистры и фигуры

Глагол-стержень. «Брать» — самый нагруженный глагол тома. Он служит всем. Фурье «взял перо», Кларк «уполномочен вступить во владение арабскими рукописями», а Хасан «попутно брал свою долю». Смысл захвата заключён не в глаголе, который остаётся тем же, а в том, кто говорит. «Брать» — общее слово, под которое подводятся те, что роман противопоставляет, грабить с одной стороны, собирать, отбирать и изымать с другой. Конте делает из этого вывод перед Жолуа.

> *«Их земли, их статуи… — говорит он. — Всё одно. Мы берём то, что нас интересует, и называем это наукой.»*

Глава III, раздел 3 — Конте, Жолуа.

Эвфемизм и борьба имён. Роман показывает слова, сменяющие друг друга, чтобы обозначить один и тот же жест. Слово «грабитель» почти всегда относится к другим, к грабителям древности («грабители поработали ещё до них»), к феллахам, к солдатам. Учёные применяют его к себе лишь в речи или в частной записи, как Денон в своём дневнике («в чём разница между грабителем и учёным в тёмной галерее»). У каждого момента свой эвфемизм. «Изымать» — слово лаборатории и стройки, «конфисковать» — слово главы IV, когда британцы применяют статью. Бертолле резюмирует эту борьбу («То, что Бонапарт называл научной экспедицией, Бертолле в своих личных заметках называл — точнее — операцией по приобретению»), где наречие «точнее» подаёт его версию как поправку. Точное слово, «украла», приходит лишь в конце, подкреплённое рассказчиком («То, что она украла — и слово это было точным, каково бы ни было оправдание, — находилось в Лондоне»).

От рисунка к ящику. Словарь рассказывает о движении тома. Глаголы зрения и черчения (смотреть, рисовать, измерять) преобладают в первых главах, тогда как слова упаковки и передачи (ящик, коллекция, реестр, конфискация) заполняют последние. Лексика оружия точно так же уступает место лексике экспертов, комиссаров и процедуры, когда приходит время давать отчёт. Роман переходит так от взгляда к бухгалтерии, и словарь несёт на себе её след прежде, чем это скажет повествование.

Четыре регистра. Административный регистр («конвенция», «статья шестнадцатая», «пропуска», «протокол», «временно») сух и авторитетен. Он любит слова очень широкие, как «с оружием и багажом» в капитуляционной конвенции, достаточно общие, чтобы каждая сторона вкладывала в них что хочет. Монументальный регистр принадлежит Бонапарту перед войсками («Солдаты, с высоты этих пирамид на вас смотрят сорок веков»), где время олицетворено как зритель. Разговорный и ироничный регистр принадлежит Монжу («Мы здесь, чтобы понимать, друзья мои. Не завоёвывать — этим и без нас прекрасно занимаются другие.») и Клеберу, который заключает перед Розеттским камнем откровенно разговорным «Мне это нравится». Регистр хроники, наконец, преобладает в сражениях, с краткими фразами, датами и фактами. Персонажи различаются скорее регистром, чем синтаксисом.

Точность и осторожность. Основа лексики конкретна («ящик», «рука», «камень», «записная книжка»), а технические термины («гранодиорит», «натрон») редки и поставлены там, где их требует предмет. Количества чаще всего пишутся словами («цельный блок высотой двадцать с половиной метров, почти

триста тонн»), что делает число словом как любым другим и вписывает его в ритм фразы. Неопределённость выражается словарём точности, как в записке Жомара («порядок величины — две тысячи пятьсот предметов. Нижняя граница. Проверке не поддаётся.»). Оценочные прилагательные почти отсутствуют, и эмоция передаётся поступками, а не эпитетом.

Фигуры слова. Роман мало пользуется метафорой. Когда она приходит, она зрительна и сдержанна, как в случае с обрывками пелен, «рассыпанными по известняковой земле, как бурый снег». Он предпочитает игру смыслов и симметрий. «Памятник» и «документ» («заменить памятник документом, который легче путешествует») образуют симметричную пару и противопоставляются, ведь памятник неподвижен, а документ путешествует. «Колонна» обозначает и колонну на марше, и колонну храма, а близкое «колонка» — столбец цифр, что позволяет Костазу перелистывать страницы, «ведя пальцем по столбцу веса, как читают ведомость награбленного». «Комиссия» переходит от учёного учреждения к британским комиссарам, и вместе с этим словом переходит легитимность. Хиазм, наконец, очень сдержанный, скрещивает прилагательные («Египетская земля в мешочках из французской холстины»), так что происхождение и вместилище обмениваются национальностями.

5. Синтаксис, фигуры фразы и тон — фраза учёных и солдат

Синтаксис тома II держится на краткости, эллипсисе и почти полном отсутствии логических связок. Он создаёт тон, сдержанный, скупой, охотно ироничный, который и есть подпись книги.

Фраза записной книжки. Многие повествовательные фразы вообще не содержат спрягаемого глагола. Это фрагменты, воспроизводящие манеру записных книжек, измерение («Семьдесят пять метров.»), состояние («Течение умеренное.»), сомнение («Или, быть может, ничего.») или решение («Решил не брать.»). Последний пример — глагол без подлежащего. Принимающий решение в нём стирается, и решение воздержаться заносится наравне с прочими данными. Рассказчик и персонажи пишут так в одном и том же регистре, регистре записи.

Накопление и асиндетон. Самые длинные фразы — это перечисления или нагромождения относительных предложений. Они не подчиняют, они добавляют. Та, что представляет переводчика Вантюра де Паради, нанизывает три звена, последнее из которых открывается в будущее («дни проводил, переводя для Бонапарта, а ночи — за арабско-французским словарём, завершить который ему так и не суждено было»), и её симметрия между днями и ночами придаёт жизни переводчика форму приговора. В главе II длинная фраза проводит в простых именных группах предметы рынка («ушебти из раскрашенного дерева, фаянсовые фигурки, изображающие Гора, Исиду, Анубиса, скарабеи всех размеров, каменные амулеты»). Запятая заменяет здесь глагол, а перечень, без порядка и иерархии, имитирует переход предметов из рук в руки.

Паратаксис, или почти полное отсутствие «ибо». Слово «ибо» за все четыре главы встречается лишь один раз, а «следовательно» почти никогда. Логическая связь читается между двумя фразами, а не в соединительном слове. «Регулярной почты не было со времён Абукира. Он всё равно написал.» сопоставляет причину не писать и сам факт письма, а «всё равно» выполняет работу уступки. «Он всё равно искал их. Это был его способ бояться.» ставит причину после следствия, не подавая себя как объяснение. Приём придаёт повествованию сухость протокола и оставляет читателю заключение.

То, что… это… Оборот, рассекающий фразу надвое, с «То, что», «То, чего» или «Чего» в начале и затем «так это» или «это», чтобы выдать обещанный предмет, — излюбленная фигура рассказчика. Он служит главным образом, чтобы сказать, чего персонаж не видит, не говорит или не переводит («Чего он не перевёл, так это тон», «То, чего Монж не мог видеть изнутри каре, видели офицеры верхом»). Предмет не

называется сразу, он удерживается, затем выдаётся, и форма фразы воспроизводит ускользающую информацию. Это приём саспенса, который готовит эффект откровения. Тот же оборот служит итогам. В коде он противопоставляет то, что Франция сохранила, тому, что она взяла («То, что Франция действительно сохранила от Египта, — это сто шестьдесят семь умов и восемьсот девяносто четыре таблицы, которые они создали»).

> *«О чём Жомар не говорил — о чём он не сказал никому с самого отъезда из Александрии, — так это о том, что гипотеза пугала его настолько же, насколько воодушевляла.»*

Глава IV, раздел 5 — Переход.

Антитеза и поправка без «но». Несколько сентенций сопоставляют отрицание и его противоположность простой точкой («Это были не руины. Это был сосед.»). Фраза Денона в его дневнике («Мы собираем для Парижа. Они грабят для себя.») построена на двух фразах одной формы, где меняется лишь дополнение, вводимое «для», то есть назначение. Его антитеза («Они брали то, что считали сокровищами. Мы берём то, что считаем знанием.») меняет лишь местоимение, время и последнее существительное, и один и тот же жест становится своей противоположностью смещением трёх слов. Безглагольные фразы, начинающиеся с «Не» («Не ценность. Не историческая значимость. Вес.»), готовят утверждение рядом отказов, и градация останавливается на единственном слове.

Параллелизм, повтор и эллипсис. Текст любит симметричные фразы, где глагол назван один раз. «Римляне грабили храмы ради своих построек, арабы — римские постройки, османы — арабские» нанизывает народы, как листают страницы хронологии, и каждое новое подлежащее наследует глагол, не повторяя его. Повтор производит обратный эффект, эмоциональное сжатие. Жомар ищет взглядом солдата, державшего в руке фаянсовую кошку, и не находит его, затем анафора подхватывает фразу («Человек существовал. Кошка существовала. Где-то внутри этой цифры в две тысячи пятьсот»). Две фразы, тождественные по форме, вновь утверждают существование, которое цифра только что абстрагировала.

Фраза власти. Власть имущие говорят краткими фразами и способами воздержания. «Оккупации хватит. Для того, что я хочу сделать.» использует отглагольное существительное в роли подлежащего, что устраняет всякого действующего, затем оставляет реальное содержание в придаточном, которое ничего не называет. Глагол «мочь» становится глаголом отказа. Бонапарт употребляет его, чтобы снять с себя ответственность («Солдатские ранцы — тут я ничего не могу поделать»), и Гамильтон отвечает Фурье тем же образом («Я не могу связывать следующий век»). Выставляемое напоказ бессилие людей власти — синтаксическая форма безответственности. Различение Бонапарта между Францией и солдатами устроено так же, арифметикой глаголов, три для Франции и лишь один для солдат.

> *«Франция не грабит. Она отбирает, описывает и сохраняет. Грабят солдаты.»*

Глава II, раздел 1 — Бонапарт, Денону.

Пунктуация и диалог. Многоточия, почти все в диалогах, появляются в момент признания («Их земли, их статуи…»). Восклицание так редко, что бросается в глаза, и оно сохранено для воодушевления учёных («та же задача, друзья мои, та же самая!»). Вставная реплика проходит через тире, которое вносит знание рассказчика во фразу персонажа («Но он не сказал — и сформулирует лишь годы спустя, в заметках к „Описанию“, — что эта асимметрия»). В диалогах глагол речи почти всегда «сказал», а вставка часто рассекает реплику после её первого отрезка («А наши коллекции? — сказал Жоффруа. — Как вернутся они?»). Подлежащее выносится вперёд, затем подхватывается местоимением «они», как говорят в жизни.

Ритм хроники. В сценах действия повествование переходит на отрывистое прошедшее время и укорачивает фразы до обратного отсчёта. «Они мчались во весь опор триста метров. Каре Дезе ждало.

Двести пятьдесят метров.» Атака измеряется в метрах, как всё в этой книге, а последний фрагмент, без глагола, даёт услышать ожидание каре лучше любого комментария.

Сдержанный тон. Рассказчик избегает эмоционального эпитета. Эмоция передаётся деталью, остановкой, жестом. По возвращении в Тулон Жолуа «не стал целовать землю», и этот отказ от ожидаемого жеста говорит о его состоянии лучше фразы о чувствах. Когда боль всего острее, она принимает форму констатации («На странице цифра ничего не весила. И всё же она обозначала две тысячи пятьсот предметов»), где антитеза между «ничего не весила» и «всё же обозначала» напоминает закон веса, правящий всей книгой.

Литота и ирония. Ирония рассказчика сдержанна и проходит через литоту и уступку. После итога о Лондоне и Париже «Утешение было немалое» можно прочесть в обоих смыслах. Ответ Гамильтона Фурье оценён двумя прилагательными, соединёнными союзом «и» («Она была честной и недостаточной»), причём второе отнимает у первого почти всю его ценность. Признание Денона («Вот в чём мы на них похожи») использует тот же механизм, сравнение, сказанное вполголоса. Тон остаётся тоном меры, которая скорее намекает, чем осуждает.

Сентенция, концовка, рефрен. Короткая сентенция, помещённая в конце абзаца, принимает три формы поправки, антитезы и сокращения («Статуи в Лондоне, знание в Париже.»). Её регулярное возвращение придаёт книге силу запоминания и служит ей подписью. Она действует как рефрен, но граничит с манерностью, как отмечают ограничения части 11.

6. Писать, чтобы не забыть — записные книжки, письма, копии

Почти все персонажи пишут. Денон ведёт дневник, Жомар записные книжки, Марсель реестр, Фурье предисловие. Роман делает из письма ответ на предстоящую утрату, а из копирования жест столько же нравственный, сколько и технический.

Фраза «Копии… они-то и есть настоящая добыча» сгущает эту мысль. Она готовит и финальную иронию, ведь спасено то, что могло уместиться в свитке.

7. Опосредованный голос другого — переводчик и передаваемая речь

Египтяне почти всегда говорят через Хасана или другого переводчика. Преобладающая форма — передаваемая речь («Он говорит, что…», «Он говорит, что понимает»). Этот приём — фигура, поскольку он даёт почувствовать, что голос другого не слышен напрямую.

Самый показательный пассаж тот, где Махмуд аль-Тавиль просит записать его имя, едва ему отказали в его статуэтках. Переводит его сын, и просьба проходит. Это один из редких моментов, когда египетскому голосу удаётся быть записанным.

> *«Он говорит, что понимает. И говорит — всё равно запишите моё имя.»*

Глава IV, раздел 3 — Этика грабежей.

Переход от косвенной речи к прямой — центральный синтаксический эффект сцены. Глагол «говорить» повторяется трижды в двух фразах («Он говорит, что…», «Он говорит, что понимает», «И говорит — всё равно запишите моё имя»), затем последнее предложение покидает косвенную речь. Императив «запишите» больше не переносится в третье лицо, как требует правило, и не заключён в кавычки. Слово торговца проходит сквозь посредничество в тот момент, когда передаваемая форма держала его на

расстоянии. Наречие «всё равно», выражающее уступку, двумя словами говорит об упорстве того, кто ничего не добился. Роман называет также то, что посредничество отсекает. В главе I Хасан перевёл фразу феллаха точно, и «Чего он не перевёл, так это тон».

8. Материя и жест — камни, руки, свет

Роман внимателен к материалам, от гранодиорита до папируса, от ила до смол и натрона. Руки (переписчиков, ткачей, ирригаторов) являются в нём местом знания. Формула «руки знают» утверждает телесное знание, которого нет у институтов.

Свет служит пунктуацией — это лампы бдения, заря над Нилом и гизская ночь. Он отмечает входы и выходы со сцены и придаёт повествованию дыхание.

9. Рассказчик, который знает — проспекции и регистр хроники

Рассказчик превосходит сознание своих персонажей. Он предвещает обелиск на площади Согласия, папирус Кадэ, Асуанскую плотину и придаёт сцене историческую глубину. Эти проспекции вписывают текст в память нынешних реституций, ни разу их не называя.

Для сражений при Абукире и Гелиополе он меняет регистр и принимает тон хроники, с более краткими фразами, датами и фактами. Эта перемена сигнализирует, что военная история не является предметом и что подлинная сцена разыгрывается в другом месте.

Времена повествования — времена фона и будущего. Повествованием управляет несовершенный вид, который держит декорацию, привычку и опись, тогда как совершенный вид, более редкий, отмечает краткий поступок («Он всё равно написал»). Проспекция опирается на условное наклонение и на будущее время. «Она погибла бы на корабле» употребляет условное наклонение, чтобы оставить персонажа в его настоящем, раскрывая читателю то, что его ждёт. Это условное чаще встречается в главе IV, где сосредоточено будущее (обелиск «будет установлен на площади Согласия в 1836 году», спор Жоффруа и Кювье). «Для Денона, в Лувре, работа только начиналась. Походы должны были возобновиться» использует два глагола прошедшего времени, второй из которых — перифраза «должны были + инфинитив». Ограничительное «только» говорит одновременно о краткости случившегося и о масштабе грядущего. В последней фразе («А вместе с походами — коллекции») глагола нет, и простое сочинение делает коллекции продолжением походов.

10. Ритм, бдения и общая архитектура

Разделы часто закрываются жестом, молчанием или ожиданием (а ближе к концу — лампой и созвездием Ориона), и повествование движется ступенями. Ритм колеблется между длинными сценами (Дендера, ужин Гамильтона) и хроникальными сокращениями (Сирийская кампания), что избавляет от монотонности описи.

Архитектура круговая. Роман открывается на тулонской набережной и закрывается в Париже, где Жолуа возвращается к заметке о Карнаке под тем же Орионом, что и над пирамидами, затем том завершается Бонапартом и Денoном. Финал остаётся открытым. «Для Денона, в Лувре, работа только начиналась. Походы должны были возобновиться.»

11. Стилистические ограничения

- Передаваемая речь, сознательно избранная позиция, держит египетские голоса на расстоянии, и её возвращение в одной и той же форме сужает разнообразие фразы.
- Сентенция в концовке, часто помещаемая в конце абзаца, становится предсказуемым приёмом и граничит с манерностью, ведь некоторые сцены закрываются формулой, которую читатель уже угадал.
- Лексика взятия остаётся очень узкой, и «брать», «грабить» и «собирать» возвращаются беспрестанно. Это повторение составляет силу тезиса, но сужает разнообразие слов перед явлением, допускающим множество других имён. Роман, кроме того, употребляет очень мало оценочных прилагательных, что сохраняет сухость, но лишает описываемый предмет его собственного цвета.
- Эллипсис глагола, весьма частый в репликах, в итоге наделяет учёных, генералов и торговцев одинаковой дикцией, тогда как их позиции противоположны. Почти полное отсутствие «ибо» и «следовательно» точно так же делает аргументацию персонажей более однородной, чем должно быть.

Заключение

Том II романа «Великий грабёж» опирается на письмо расследования, которое считает, измеряет, цитирует и поправляет. Его первое достоинство — согласованность формы и замысла, так как опись есть одновременно и предмет, и метод. Анализ всего текста подтверждает это на уровне слова и фразы. Лексика вращается вокруг невзрачного глагола, «брать», и сползает от рисунка к ящику. Синтаксис устраняет логические связки, множит безглагольные фрагменты и закрепляет оборот «То, что… это…» за тем, что ускользает от персонажей. Сентенция, частая, служит здесь рефреном, и книга лучше всего, когда даёт говорить предметам и молчаниям.

> *«Не Египет нас приглашал.»*

Глава IV, раздел 3 — Жоффруа, на ужине у Гамильтона.